

ЕСТЬ ЧТО-ТО трагически несообразное в превращении Артура Миллера из оригинального художника, которого мы знаем по его пьесам, в зурядного «политика», вдохновляемого потрепанными кистями — самых реакционных кругов Запада.

Летом позапрошлого года в то время, когда в Москве проходили переговоры президента США с советскими руководителями, Артур Миллер выступил в «Нью-Йорк таймс» со статьей, где поставил под сомнение целесообразность экономического и технического сотрудничества между двумя державами, утверждая, что «американские товары и услуги придают силы Советскому Союзу».

Весной прошлого года Миллер публично заявил о твердом намерении «отказаться от любых форм сотрудничества с ЮНЕСКО до тех пор, пока грубая политическая тенденциозность решений этой организации не подвергнется существенным изменениям». Поводом к этому театрально воинственному жесту послужила резолюция Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры — прекратить культурную помощь Израилю. Писатель и несколько его коллег оказались в положении людей, которым надо доказывать, что Израиль «превратился в парию мирового сообщества» не в силу этой резолюции, а из-за твердолобой агрессивной политики сионистов на Ближнем Востоке.

Вообще 1975 год, ознаменовавшийся крупными сдвигами на международной арене, складывался для Миллера, если следовать его «политической» логике, неудачно. Первого июля «Интернэшнл геральд трибюн» печатает статью-репортаж своего корреспондента «Артур Миллер: старше и мудрее». Во время их встречи стоявший на пороге своего 60-летия писатель, по словам автора, «размышлял о переменных в себе, в театре, в мире». А через две недели, когда, вероятно, советники президента США заканчивали подготовку материалов перед поездкой в Хельсинки, в газете «Нью-Йорк таймс» появилась статья под стандартно сенсационным заголовком «Пражская зима».

Никогда еще из-под пера писателя не выходило ничего, что так не отвечало бы духу времени, что было бы так необъективно и несостоятельно. Эта статья изобилует давно известными провокационными приемами антикоммунистической и антисоветской пропаганды.

Меня покорило, что Артур Миллер в грубой, оскорбительной форме отзывался о национальном характере других народов, касаясь истории второй мировой войны. Это писалось тогда,

когда и чехи, и русские, и «все сыновья» Америки праздновали тридцатилетие Победы над гитлеризмом.

Миллер не приводит ни единого факта, ни единой цифры, не ссылается ни на один источник информации, кроме как на «сведения из первых рук», которым он «имеет сугубо личные мотивы доверять», и на беседы в доме «одного писателя» во время визита в Прагу в 1973 году. Может быть, Миллеру вспомнилась еще и встреча 1968 года с горсткой литераторов, группировавшихся во-

стевникам — «не превращаться в нравственных евнухов только ради того, чтобы возрос наш торговый баланс».

Миллер давно решает для себя проблему несвободы личности в условиях сверхорганизованной цивилизации, то проникаясь материалистическим взглядом на вещи, то начисто им пренебрегая. Поиски социальной природы человеческих трагедий дали мировому театру «Смерть коммивояжера» и «Суровое испытание», пьесы, развивающие жизнеспособные реали-

ния о широком демократическом движении 30-х годов, историческую обусловленность которого будто бы отменила «угроза всеобщего уничтожения». Место социальной несправедливости, капиталистической эксплуатации, фашизма заступил, по его мнению, новый враг человечности, «который стоит за пределами диалектики и политических определений. Этот враг — сам человек». В героизме участников тогдашних классовых и антифашистских боев Миллер ныне ус-

ся во взаимных отношениях государства — участники общевсероссийского Совещания по безопасности и сотрудничеству. Если же американскому писателю Заключительный акт совещания в Хельсинки кажется чем-то далеким, связанным только с проблемами Европы, то позволю себе сослаться на документ, предложенный Советом по международным делам в Филадельфии, городе, до которого от обширного, раскинувшегося на 350 акрах поместья Артура Миллера в Роксбери, штат Коннектикут, километров двести пятьдесят или около того. Документ этот, приуроченный к 200-летию американской государственности, называется «Декларация Взаимозависимости». В преамбуле к нему, составленной известным историком Генри С. Комманджером, тоже говорится о некоторых «самоочевидных истинах» 1976 года — о жизни, свободе, мире, безопасности. Чтобы достигнуть этих целей, «народы земного шара должны признать, что они взаимозависимы, должны объединить усилия и посвятить умы и сердца решению тех проблем, которые угрожают их существованию».

В этих условиях талант миллеровского масштаба мог бы сослужить добрую службу и своему народу, и другим народам, стремящимся к мирному сосуществованию. Одно дело, когда в последней, правда, не лучшей, пьесе «Сотворение мира» Артур Миллер обращается к библейской легенде. Другое дело, когда он, заполняя творческие паузы, берется за изложение легенд буржуазных... Это занятие малопродуктивное.

Оздоровление международного климата в результате разрядки — реальность, с которой не могут не считаться как политические, так и общественные деятели разных стран. Советские люди ведут дипломатические переговоры, торгуют машинами, издают книги зарубежных авторов, ставят иностранные пьесы. Кстати, известно ли американскому драматургу, что сейчас в репертуаре наших театров — тридцать пять американских пьес? После Хельсинки «нет победителей и побежденных», как сказал в своем выступлении на совещании Л. И. Брежнев. Все больше людей на Западе понимают, что процесс разрядки — это «улица с двусторонним движением», как принято говорить в Америке.

Жаль, если Артур Миллер будет продолжать двигаться в обратном направлении — к тем 15 процентам американцев, которые, по недавнему опросу общественного мнения, проведенному в США, высказались против улучшения отношений с СССР. Мстителный писатель рискует остаться в ничтожном меньшинстве.

ВРЕМЕНИ ВОПРЕКИ

ДОЛГАЯ ЗИМА АРТУРА МИЛЛЕРА

Развитию советско-американских отношений стремятся помешать влиятельные силы в США, не заинтересованные ни в улучшении отношений с СССР, ни в разрядке международной напряженности. Среди творческой интеллигенции США находятся деятели, которые не могут отрешиться от психологии «холодной войны». В их числе оказался и американский писатель Артур Миллер.

круг печальной памяти «Листов»?

Невольно спрашиваешь себя: зачем и почему сомнительные «сведения» преподносятся читателю летом семьдесят пятого? «Они расплачиваются за прекращение «холодной войны» и разрядку», — утверждает Миллер. Это уже вопреки всякой логике: когда-то были «жертвы режима», теперь — «жертвы разрядки»...

Чешские и словацкие писатели, среди которых у меня немало добрых знакомых, наверное, лучше, чем кто-либо другой, объяснят, почему их судьба продолжает волновать Артура Миллера. Кстати, когда месяца три назад группа эмигрантов выступила на очередное заседание международного Пен-клуба вопрос о «преследовании интеллигентов», участники конгресса — писатели из социалистических стран решительно выступили против непрошеной защиты своих якобы поправных прав. Артура Миллера на этом заседании не было — он воспользовался другой трибуной, присоединив свой голос к голосам ярых противников разрядки: на заседании сенатской комиссии, возглавляемой Генри Джексон, Миллер выступил с призывом к своим соотече-

стические традиции американской драматургии.

Однако в своих статьях и выступлениях Миллер гораздо больше склонен отвлекаться от реальности, полагаясь на далеко не всегда объективные сведения, обильно поставляемые средствами массовой коммуникации западных стран.

Лет шесть назад мне уже приходилось писать на страницах «Литературной газеты» о книге-альбоме «В России», выпущенной Миллером в соавторстве с супругой. В тех заметках, сделанных после быстрого знакомства с нашей страной, трудно было узнать крупного писателя, имеющего свой взгляд на мир. Книга огорчила многих не только поверхностностью суждений, но и откровенной предвзятостью общего тона. Тогда хотелось верить, что это случайность, не выражающая системы взглядов...

Но вот в конце семьдесят третьего года американский журнал «Эсквайр» напечатал статью «Чудеса». Не место и не время сейчас подробно разбирать этот любопытнейший документ, своего рода писательское кредо Миллера, обращенное, как он сам подчеркивает в подзаголовке, к молодежи.

В нем Миллер пересматривает свои же представле-

матривает «религиозный порыв», «лирический элемент».

Сопоставляя «революции» 30-х и 60-х годов, Миллер сводит радикализм современной молодежи в Америке и других странах Запада чуть ли не единственно к стремлению избежать «бессмысленного, бесцельного потока, который выбрасывает каждого на необитаемый остров товарного потребления».

Можно подписаться под его словами из другой статьи, что «центром всякой идеологии должна быть человеческая личность, в противном случае о ней нечего говорить». Но должны ли мы согласиться с его утверждением, что «в настоящее время такой идеологии нет»?

Я не берусь убеждать знаменитого писателя в гуманных принципах научного социализма, в перспективности коммунистической идеологии. Если, по его признанию, он разочаровался в социализме, то это касается его восприятия хода событий, его совести, наконец.

Как двести лет назад основатели США записали в «Декларации независимости» несколько «самоочевидных истин», так и в наши дни есть понятия, в истинности которых вряд ли можно усомниться. Среди них — и те десять принципов, которыми обязались руководствовать-

Г. ЗЛОБИН